

Первое сентября. Хогвартс возвращался к жизни. После короткой встречи на платформе Гарри и Драко вместе с остальными ребятами помахали родным на прощание. Стоило им подняться на борт «Хогвартс-экспресса», как Гарри сунули в руки увесистый конверт. Сириус с напускной мрачностью наказал прочесть его еще в поезде и непременно показать Драко.

Однако, когда в купе Малфоев письмо наконец вскрыли, выяснилось, что это «Мемуары проказника» — подробнейшая летопись всех школьных выходов Сириуса, в которых так или иначе участвовал Римус. На первой же странице красовалась размашистая надпись кроваво-красными чернилами: «Римус — истинный король розыгрышей среди Мародеров! Что бы он ни затевал против Локхарта, держитесь от этого как можно дальше!»

Дочитав до конца, друзья единодушно решили, что Люпину самое место было на Слизерине, а вовсе не в Гриффиндоре. Каждая его авантюра отличалась безупречной логикой и была продумана до мелочей: многоходовые комбинации исключали любую возможность разоблачения, так что жертва порой даже не понимала, на кого злиться. При этом Римус никогда не переходил черту — максимум пара дней в Больничном крыле, никакой реальной опасности; чаще всего хватало просто крепкого сна, чтобы прийти в себя.

Поезд внезапно дернуло, и он замер. Рон как раз убеждал Гарри немедленно уничтожить мемуары Блэка, пока близнецы не наложили на них лапы и не начали испытывать старые трюки на собственных друзьях. Но резкая остановка заставила Гарри и Драко мгновенно подобраться.

Дементоры. Они здесь.

Драко выудил заранее припасенный шоколад и раздал его тем, кто был в купе. Еще один большой пакет он вручил Блейзу и Панси, велел распределить его среди слизеринцев. Гарри же отправил Рона, Гермиону и Невилла к их сокурсникам, наказав не терять бдительности. Чтобы предотвратить панику, Поттер и Малфой разошлись в разные стороны — к голове и хвосту состава, на ходу приказывая всем встречным немедленно вернуться в купе и запереть двери. После их победы над троллем и недавнего противостояния обезумевшему Бладжеру на поле для квиддича никто не посмел спорить. Старосты факультетов и старосты школы тоже включились в работу, патрулируя коридоры и пресекая любые попытки выйти наружу.

Когда на окнах выступила изморозь, а за стеклами заскользили черные тени, старшекурсники поняли: это дементоры. Те, кто уже пробовал изучать заклинание «Экспекто Патронум», перехватили палочки, стараясь выровнять дыхание. Вскоре вагоны заполнила ледяная, гниlostная тьма. Даже за закрытыми дверями казалось, будто душу окунули в прорубь. Из разных концов поезда доносились вскрики младшекурсников, а новички, впервые ехавшие в школу, и вовсе начали горько сомневаться в правильности своего выбора.

В тот момент, когда крики стали невыносимыми, Гарри и Драко одновременно выпустили своих Патронусов.

Величественный грифон и гибкая крылатая змея, сотканные из ослепительного серебра, сошлись в центре поезда. Студенты, замороженные их мощью и неземной красотой, на мгновение забыли о страхе и могильном холоде. Пример оказался заразительным: все, кто владел заклинанием «Экспекто Патронум», один за другим выпускали своих Патронусов. Под предводительством грифона и змеи серебристая армия ринулась в бой. Два дементора буквально испарились под когтями грифона и ударом призрачного хвоста змеи. Поезд преобразился, наполнившись святым сиянием, словно декорация к древней сказке. Плачущие дети вновь обрели мужество, прижимаясь друг к другу и во все глаза глядя на то, как свет прогоняет тьму.

Дементоры отступили. В вагоны вернулось тепло. Выжатые до предела студенты обессиленно опустились на сиденья; шоколад, розданный Гарри и Драко, пришелся как нельзя кстати. По поезду уже летели восторженные шепотки: те, кто видел серебристых зверей, захлеб рассказывали остальным о невероятной силе своих Патронусов.

Гарри не улыбался. Лицо его было суровым, почти жестким. Подойдя к купе Драко, он обернулся к окну, провожая взглядом парящие вдали черные лохмотья, и в его глазах вспыхнул холодный, беспощадный огонь. Он слишком хорошо помнил, сколько жизней эти твари оборвали на полях сражений, высасывая души до капли. Помнил тех, кто боролся против Волдеморта, но в итоге стал лишь пищей для этих монстров. Даже самый могущественный Патронус не мог защитить всех. Гарри не раз видел, как его товарищи падали замертво под грязными саванами, а ему оставалось лишь молча уводить живых. Каждый раз он возвращался памятью в тот лес на третьем курсе, когда, обнимая бесчувственного крестного, стоял перед целой стаей дементоров в полной безнадежности. Душу тогда словно рвали на части.

Этого нельзя терпеть. Нельзя прощать. Дементоры вообще не должны существовать.

Гарри до боли сжал кулаки, подавляя ярость и жажду расправы. Ему стоило огромных усилий не выскочить из поезда прямо сейчас, чтобы стереть этих тварей с лица земли.

Драко, не дождавшись друга, приоткрыл дверь купе. Увидев искаженное гневом и болью лицо Поттера, он замер на пороге. Остальные ребята тоже высунулись наружу, гадая, что случилось. Гарри стоял к ним боком, но от него исходила такая аура ярости и скорби, что по спинам присутствующих пробежал холодок. Сейчас он казался опаснее, чем в моменты самых ярких споров с Ритой Скитер — человек-оружие, отточенное и смертоносное.

— Гарри ненавидит дементоров, — негромко произнес Драко, чувствуя, как сгустилась атмосфера. — Порой мне кажется, что его ненависть к ним даже острее, чем к самому Волдеморту.

Гарри закрыл глаза, умирняя бурю внутри. Когда он снова взглянул на друзей, его изумрудные глаза были спокойны, как поверхность глубокого озера перед штормом.

— Я всегда считал, что для любого человека, будь то волшебник или маг, нет ничего ценнее души и памяти. Без души ты — лишь пустая оболочка, запертая в аду между жизнью и

смертью. А без памяти... как доказать, что те, кого ты любил, действительно были в твоей судьбе? Как подтвердить, что ты сам когда-то жил?

Он выпрямился, и в отражении окон его силуэт показался зыбким, но исполненным внутренней силы.

— А дементоры... они не просто стирают радость. Они крадут саму суть человека, превращая его в подобие себя. Это тягчайшее из преступлений.

В его голосе не было патетики, лишь сухая констатация фактов, но ребята слушали его затаив дыхание. Перед ними стоял не сверстник, а зрелая, многострадальная душа, чьи слова весили больше золота. Гарри казался им незыблемой опорой — тем, за кем можно идти сквозь любые беды. Он светился в полумраке коридора самым чистым светом.

Драко подошел и взял его за руку. В его улыбке читалась гордость. В целом мире не нашлось бы души ярче и теплее этой, и никакая вечная ночь не смогла бы затмить ее сияние. Это был его выбор. Его любовь. Его сокровище. Быть рядом с таким человеком — величайшее счастье и честь.

Когда студенты выходили из поезда, они выглядели измотанными. Даже шоколад не смог мгновенно унять этот костяной холод. И хотя явление Патронусов дало пищу для разговоров, былого веселья не наблюдалось. Первокурсники испуганно семенили за Хагридом, остальные молча брели к каретам.

В Большом зале атмосфера была не менее напряженной. Преподаватели выглядели рассерженными, а вечно лучащийся добротой Дамблдор сидел с неестественно серьезным лицом. За учительским столом прибавилось людей: помимо сияющего Гилдероя Локхарта появились двое незнакомцев. Гарри с изумлением узнал в золотоволосом мужчине подле директора Геллерта Гриндевальда. Если бы не старые фотографии из альбома Дамблдора, он бы ни за что не признал его: Гриндевальд выглядел вызывающе молодо для своих лет. Ни морщинки на породистом лице, яркие голубые глаза, волосы перехвачены на затылке... Как он мог сохранить такую форму, будучи ровесником Альбуса?

Церемония распределения прошла вяло. Дети механически шли к Распределяющей шляпе, а затем так же механически расходились по столам факультетов. Профессора хмурились, глядя на притихшее пополнение.

Когда пир подошел к концу, Дамблдор поднялся. На его лице так и не появилось улыбки.

— Приветствую! — Его голос разнесся под сводами зала, серьезный и веский. — Рад видеть старых учеников и приветствую новых. Я знаю, что сегодняшней день выдался тяжелым. Вы голодны, но прежде чем мы приступим к еде, я должен объявить о двух важных вещах.

Он обвел залу строгим взглядом.

— Первое. Как вы уже знаете, Министерство магии приняло решение разместить в Хогвартсе дементоров. Это мера предосторожности в связи с побегом опасных преступников. Предупреждаю: они охраняют каждый вход и все подступы к школе. Не смейте покидать территорию без разрешения — я не смогу гарантировать вашу безопасность. Дементоры не знают пощады, их нельзя обмануть уловками или мольбами, даже Мантия-невидимка для них не преграда. Я строго предупреждаю каждого: не давайте им ни единого повода причинить вам вред. Старосты, на вас лежит ответственность за младших — пресекайте любые конфликты с охраной.

Дамблдор чуть смягчился, заметив лица учеников.

— Но есть и хорошие новости. Мистер Гилдерой Локхарт любезно согласился занять пост профессора Защиты от Темных искусств. Уверен, вы все о нем слышали.

Локхарт вскочил, ослепляя зал своей фирменной улыбкой. Девичьи восторженные вскрики на миг заставили всех забыть о дементорах. Директор с иронией посмотрел на раскрасневшихся фанаток и продолжил:

— Поскольку профессор Локхарт — человек крайне занятой, ему потребуется помощник. Позвольте представить: мистер Геллерт Грин, ассистент по защите от Темных искусств.

Гриндевальд лишь скупно кивнул, не сводя глаз с залы. По столам Слизерина пополз шепот — в аристократических семьях историю первого Темного Лорда знали слишком хорошо, и созвучие имен не осталось незамеченным.

— И наконец, мистер Римус Люпин, наш новый ассистент профессора по зельеварению. Истинный джентльмен.

Имя Люпина было на слуху из-за недавних любовных писем Локхарта. Студенты, измученные ядовитыми замечаниями Снейпа, с надеждой уставились на мягко улыбающегося Римуса. Сам Северус ответил на это ледяным фырканьем, в котором сквозило неприкрытое презрение. Когда Локхарт попытался что-то вставить, Снейп одарил его таким взглядом, что тот моментально стушевался и отсел подальше.

— На этом всё. Приятного аппетита!

Дамблдор наконец улыбнулся своей привычной улыбкой. Гарри невольно подумал, что Локхарт служит для директора отличным источником развлечения. Впрочем, раз Северус согласился терпеть Римуса в качестве «щита» от назойливого Гилдероя, значит, Локхарт успел допеть даже самых терпеливых.

— Гарри, тот человек... это же Геллерт Гриндевальд, верно? — спросил Драко, когда они вернулись в спальню. Он никак не мог сопоставить этого харизматичного мужчину с вековым затворником Нурменгарда. — Что он тут делает? И почему в помощниках у этого клоуна?

— Локхарт не клоун, — отозвался Гарри, растягиваясь на кровати. — Он лишь блестяще его играет. Помнишь, в моей прошлой реальности он якобы до конца дней пробыл в больнице Святого Мунго? Так вот, когда война была в самом разгаре, я узнал, что он исчез. Никто не знал, жив он или мертв. А после победы он явился ко мне с огромной суммой денег, предложив всё до последнего сикля на восстановление Хогвартса.

— Что?! Ты никогда об этом не упоминал.

— Локхарт тогда был совсем другим человеком. Он просил сохранить это в тайне, и я уважаю его желание. К тому же, в те дни хватало и других забот. Позже я понял: он истинный рейвенкловец. Он раньше всех почувал беду и использовал легенду о «проклятом месте» профессора ЗОТИ, чтобы изящно уйти в тень.

— Поразительно. Он оказался мастером маскировки похлеще любого слизеринца, — признал Драко. — Интересно, хватит ли у него такта в его «осаде» Римуса? А Гриндевальд?

Гарри уже начал проваливаться в сон.

— Это он, точно он. Я видел их совместные фото в архивах Альбуса. А насчет внешности... может, магия, а может, Дамблдор помог...

Драко обернулся, услышав, как голос Гарри затих. Тот уже спал. Вздохнув, Малфой решил отложить письмо и еще немного почитать, время от времени бросая взгляд на спящего друга.

В кабинете директора Дамблдор и Гриндевальд сидели друг против друга. Тишину нарушало лишь мерное сопение Фоукса, задремавшего на коленях Альбуса. Гриндевальд сверлил птицу взглядом, гадая, как бы половчее убрать этого пернатого наглеца с колен своего старого друга. Видимо, его неприязнь была слишком явной — Фоукс встрепенулся, неодобрительно глянул на Геллерта и перепорхнул на свой насест.

— Геллерт, ты так и не скажешь мне? — со вздохом произнес Дамблдор. Его забавляло, что даже спустя десятилетия Гриндевальд не утратил своей собственнической ревности. — Неужели ты до сих пор считаешь его своим соперником?

Геллерт протянул руку и коснулся серебристых волос Альбуса. Он знал, что под этой маской

старика скрывается тот же юноша, которого он когда-то любил.

— Альбус, зачем тебе эта игра в дряхлого деда? — тихо спросил он. — Неужели ты не хочешь, чтобы я видел твое истинное лицо?

— Мне уже за сотню, Геллерт. Время не щадит никого.

— Мы не виделись целую вечность, — прошептал Гриндевальд. Он следил за Альбусом по газетам, читал отчеты аколитов, но это было совсем не то.

Дамблдор не отстранился, позволяя Геллерту перебирать пряди его волос. Он тоже часто бывал в Нурменгарде — тайно, никогда не решаясь войти. Просто стоял у дверей часами, пряча свою магию и слушая тишину. Когда ему было особенно тяжело, он шел туда, чтобы вернуть себе равновесие.

— Альбус, помнишь мое обещание? Пока ты жив, я не трону Британию. Оно в силе.

Дамблдор смотрел на свои волосы, переплетенные с пальцами Геллерта. Причины его появления вдруг стали неважны. Гриндевальд сдержал бы слово, Гарри подтвердил это. Даже перед лицом смерти в своей камере Геллерт не выдал Аколитов Волдеморту. Сердце Дамблдора сжалось от горечи — сколько же времени они потеряли.

— Геллерт...

Тот поднял взгляд и увидел слезы в глазах Альбуса. Геллерт осторожно стер влажную дорожку.

— О чем ты плачешь, мой дорогой? Неужели мысли обо мне так печалят тебя?

Он не выдержал и обнял Дамблдора, прижимая его к себе так крепко, словно хотел срастись с ним навечно.

— Геллерт, поклянись мне, — голос Альбуса дрогнул. — Если кто-то придет к тебе за тайной Старшей палочки... забудь обо всем. Просто спасайся сам. Не ввязывайся.

Гриндевальд отстранился, заглядывая в глаза, полные застарелого страха.

— Что это значит? Кто-то охотится за ней? Какой враг мог так напугать тебя, Альбус? Ты же никогда ничего не боялся.

— Я боюсь за тебя, — упрямо повторил Дамблдор. — Том — это моя ответственность. Мой крест. А ты... ты должен просто жить.

Геллерт усмехнулся. Как же это было похоже на того Альбуса, который когда-то спорил с ним из-за сладостей. Видимо, горечи в его жизни стало столько, что без сахара было уже не вынести.

— Альбус, ты же знаешь — я не могу тебе отказать. Хорошо, я обещаю не лезть на рожон. Но пока ты не разберешься со своим учеником, я буду здесь. В Хогвартсе. Помощником профессора, ассистентом, кем угодно — пока ты остаешься директором.

— А как же твои люди? Твои аколиты?

— Обойдутся. Они не дети, — легкомысленно отозвался Гриндевальд. — Мы оба прожили век, Альбус. Неужели мы не заслужили хотя бы немного покоя вдвоем?

Дамблдор смотрел на него, и тревога в его сердце понемногу уступала место странному облегчению. Пусть Геллерт будет рядом. А если он ненароком научит студентов толике своего безрассудства и амбиций... Что ж, возможно, нынешнему Хогвартсу именно этого и не хватало.

<http://bllate.org/book/17565/1704880>